

—

XXII.

Гу Сьюань пересадил своего окончательно засмутившегося и замершего комочком парня на его законное место.

Се Цинсяо тут же одной рукой вцепился в подаренное ожерелье, а вторую подложил под голову вместо подушки и распластался по парте, поклявшись самой судьбе не подниматься до начала урока.

Гу Сьюань взглянул на завтрак, который на глазах терял тепло, и нахмурился. Он протянул руку и легонько похлопал Се Цинсяо по плечу:

— А-а... открой рот.

Се Цинсяо медленно повернул к нему всё еще пунцовое лицо и безмолвно шевельнул губами: «Ты чего?»

В следующий миг ему в рот запихнули паровой пельмень. Только сейчас Се Цинсяо почувствовал, как пуст его желудок, и, надув щеки подобно маленькой белке, принялся медленно жевать.

Гу Сьюань подхватил еще один пельмень и отправил себе в рот. Уж очень его парень любил пошуметь — они в классе уже прилично времени, а до завтрака только-только дошло дело.

Се Цинсяо, увидев, что палочки отправились в рот Гу Сьюаня сразу после него, покраснел еще гуще.

Так, кормя друг друга по очереди, они покончили с завтраком, и чувство стыда у Се Цинсяо наконец начало отступать. Он глубокомысленно взглянул на своего Альфу: «Ну и выдержка у него, мне до такой далеко. Как можно быть настолько спокойным, игнорируя всех вокруг как пустое место?»

Остальные ученики в классе сначала пребывали в шоке, но вскоре привыкли. Если люди ведут себя так открыто и достойно, то и обсуждать тут особо нечего.

Впрочем, некоторые Омеги всё же были опечалены. Перед каникулами их только-только очаровали аура, красота и голос Бога учебы Гу, а стоило пройти трем дням — и «божество» уже официально занято.

Разумеется, нашлись и те, кто не удержался от едких замечаний за спиной, мол, Се Цинсяо очень расчетлив и хитер: едва расстался с Шэнь Тингом, как тут же «склеил» Гу Сьюаня.

Однако это оставалось лишь предметом личных разговоров. В конце концов, они были студентами, а первый класс третьего года обучения был лучшим в школе Бэйчуань. За редким исключением, большинство учеников в этот период жили только учебной, и чужая личная жизнь их не слишком волновала. До открытой травли или унижений дело не доходило — да и Се Цинсяо, будучи человеком глубокого ума и сильного характера, явно не относился к тем, кого легко запугать школьным буллингем.

Вспоминая ситуацию из прошлой жизни, когда Се Цинсяо довели до отчисления и полного краха репутации, главной причиной было вмешательство старшего поколения семей Шэнь и Лу. Семья Шэнь была в совете директоров частной школы Бэйчуань и владела огромным состоянием, а семья Лу, хоть и была скромнее в деньгах, считалась потомственной интеллигенцией с весомым влиянием в системе образования города.

Тогда Шэнь Тин не только заставил семьи давить на школу, но и нанес удар по компании отца Се Цинсяо. Чтобы избежать неприятностей в будущем, взрослые часто прибегают к безжалостным и чрезмерно жестким методам решения проблем.

Следующие каникулы после календарного Нового года наступали только на канун Нового года по лунному календарю. Но перед этим предстояло пройти через объединенные зимние экзамены. Вопросы для них составляли десять лучших школ севера провинции, но фактически эти тесты использовали более сотни учебных заведений, включая Бэйчуань.

В итоге результаты всех учеников сравнивались в общем рейтинге. Поэтому в последний месяц семестра атмосфера в выпускных классах стала напряженнее обычного.

Се Цинсяо немного сократил время на нежности с парнем, направив все силы на заучивание материала и решение бесконечных тестов. Однако были те, на кого эта атмосфера, казалось, не влияла вовсе — они продолжали вариться в собственном мире.

В один из дней после уроков Се Цинсяо спустился вниз, но, вздрогнув от ледяного ветра, понял, что забыл шарф. Он решил вернуться, попросив Гу Сьюаня подождать у лестницы.

Подойдя к углу задней двери класса, он услышал доносящиеся оттуда голоса — там спорили.

— Шэнь Тин, ты можешь перестать относиться ко мне как к хрупкому Омеге? — раздраженно выговаривал Лу Цзяян.

— Но ты и есть Омега, — парировал Шэнь Тин.

Эти слова попали в самое больное место Лу Цзяяна. Он холодно взглянул на Шэнь Тина, развернулся и выбежал из класса.

Се Цинсяо оказался в крайне неловком положении: ни уйти, ни войти. В следующую секунду он столкнулся нос к носу с вылетевшим Лу Цзяяном. Что ж, притворяться, что его тут нет, уже поздно.

— Почему еще не зашел? — сзади послышался уверенный голос Гу Сьюаня.

— О, иду, — Се Цинсяо решил включить «дурачка» и бросил застывшему Лу Цзяяну: — Дай пройти.

Лу Цзяян отрешенно отодвинулся. Се Цинсяо прошел мимо него к своему месту, взял шарф и, наматывая его на шею, пошел к выходу. Гу Сьюань подошел и, не обращая внимания на посторонних, заботливо поправил ему узел:

— Пойдем!

Се Цинсяо сладко кивнул и обхватил руку своего Альфы. Шэнь Тин стоял у двери и тяжелым взглядом провожал их неразлучные фигуры.

Лу Цзяян с усмешкой посмотрел на него:

— Жалко терять? Так иди и попытайся вернуть.

Шэнь Тин пришел в себя и, осознав смысл сказанного, изменился в лице:

— О чем ты вообще говоришь? Уж кто-кто, а ты-то должен знать, ради чего я тогда...

— Только не смей говорить, что ради меня, — отрезал Лу Цзяян.

Шэнь Тин взъерошил волосы и с отчаянием произнес:

— Ты... о чем ты вообще думаешь? Ведь то, что ты стал Омегой — это же хорошо! Мы теперь можем быть вместе открыто. Почему ты вечно недоволен?

Лу Цзяян снова усмехнулся и больше не проронил ни слова. Этот спор с Шэнь Тином был далеко не первым. Каждый раз, вспоминая тот полный восторга взгляд Шэнь Тина, когда тот узнал о его вторичной дифференциации в Омегу, Лу Цзяян чувствовал нарастающий страх и бессилие.

Значит, для Шэнь Тина критически важно, чтобы он был именно Омегой? Если бы этого не случилось, их отношения не дотянули бы до финала? Но что еще важнее — отношение Шэнь Тина изменилось. Он перестал брать его играть в баскетбол, перестал ходить с ним по барам или ввязываться в драки — всё то опасное, что они делали вместе раньше. Его взгляд, тотальный контроль и собственничество стали просто невыносимыми. Особенно после того, как во время одной из ссор Шэнь Тин выпалил: «Почему ты не можешь быть таким же Омегой, как Се Цинсяо?» Это окончательно добило Лу Цзяяна.

Голоса спорящих не были тихими. Гу Сьюань и Се Цинсяо, уже спустившиеся на первый этаж, всё еще могли их слышать. Гу Сьюань оставался бесстрастным.

Се Цинсяо нахмурился и с сомнением произнес:

— Я думал, когда Лу Цзяян станет Омегой, их проблемы решатся сами собой, и другим больше не придется страдать из-за них. Но...

Но сейчас казалось, что всё стало еще сложнее и запутаннее. Раньше они часто ссорились из-за своих характеров, но Се Цинсяо задним умом понимал, что в их глазах была любовь — Шэнь Тин баловал Лу Цзяяна практически безгранично. А сейчас на их лицах читалась только смертельная усталость.

Гу Сьюань не ответил. Но он подумал: в прошлой жизни у них был «инструмент» в лице Се Цинсяо, который заставлял их чувства проходить через испытания и борьбу, делая финал ценным и выстраданным. Чем труднее достается победа, тем больше ее берегут.

В этой жизни Се Цинсяо первым отпустил ситуацию, перестал строить козни из-за неразделенной любви. А Шэнь Тин и Лу Цзяян с их несносными характерами — из тех людей, что сами найдут проблему на ровном месте и доведут свои отношения до абсурда. Не зря же они, зная друг друга столько лет, постоянно пребывали в драме и смогли осознать свои чувства только благодаря целой толпе «пушечного мяса».

Вдруг раздался звонкий хлопок в ладоши.

— Впрочем, так им и надо! Пусть грызутся, — фыркнул Се Цинсяо.

Гу Сьюань взглянул на него и медленно произнес:

— Разве ты не говорил... что тебе давно плевать на Шэнь Тина?

— Хм! — Се Цинсяо холодно улыбнулся. — То, что мне на него плевать, никак не мешает мне желать ему сдохнуть в мучениях. Такие придурки должны получать по заслугам!

«Сурово...» — обычно невозмутимый большой босс Гу был несколько ошарашен напором своего маленького парня и поспешил тактично согласиться:

— Никакого конфликта интересов. Всё верно: если отвечать на зло добром, то чем тогда отвечать на добро?

— Вот именно. — Се Цинсяо решительно кивнул.

Время в выпускном классе летело стремительно. Как бы все ни нервничали, зимние экзамены наступили в срок. Даже после их завершения выпускники не ушли на каникулы — их оставили на дополнительные занятия вплоть до 23-го числа последнего лунного месяца.

Результаты объявили сразу же. Гу Сьюань ожидаемо остался на недосягаемой высоте. Несмотря на то, что одну и ту же работу писали сотни школ, его баллы были самыми высокими в общем рейтинге.

У Се Цинсяо результаты тоже были отличными — в первой сотне по всей провинции и третье место в школе Бэйчуань. С такими баллами поступление в желаемый вуз было практически гарантировано.

А вот Лу Цзяян удивил всех: обычно он шел вровень с Се Цинсяо, но в этот раз его оценки резко обвалились. Учителя и руководство школы даже вызывали его на беседу. Что касается Шэнь Тина, он оказался в самом хвосте списка. Впрочем, он никогда не блистал в учебе, а при деньгах его семьи все и так знали, что он, скорее всего, уедет за границу, поэтому на его фиаско особо не обратили внимания.

В этом году в канун Нового года Гу Сьюань не остался в школе, а по традиции уехал в родную деревню навестить могилы родителей. Однако в новогоднюю полночь они с Се Цинсяо были на связи — романтические ритуалы важны для отношений.

После праздников время понеслось еще быстрее. Отсчет до Гаокао: 100 дней... 50 дней... и внезапно — последний день.

Гаокао официально начался.

В последний день экзаменов, после обеда, Гу Сьюань собрался уходить из офиса пораньше. Цзян Хэфун, провожая его, улыбнулся:

— Сегодня твой маленький парень заканчивает сдавать Гаокао?

Гу Сьюань кивнул. По первоначальному плану он и сам должен был сдавать экзамены, но компания развивалась слишком бурно. Во втором полугодии он почти не появлялся в школе, проводя всё время за работой. В итоге вопрос с Гаокао отпал сам собой — он уже был зачислен в университет вне конкурса, благодаря олимпиадам и льготам.

— Вот кто настоящий победитель по жизни: нет и двадцати, а уже и карьера, и любовь! — Цзян Хэфун не без зависти прищурился.

На обычно холодном и отстраненном лице Гу Сьюаня промелькнула тень улыбки. По сравнению с прошлой жизнью, в этой действительно появилось что-то важное. Перестав улыбаться, он посмотрел на коллегу:

— Так что на ближайшее время компания на тебе.

— Ты что имеешь в виду? Опять прогуливать собрался? — Цзян Хэфун изменился в лице.

Гу Сьюань невозмутимо ответил:

— Главное событие в жизни моего парня завершено. Разве я, как «победитель по жизни», не должен провести с ним несколько дней, празднуя успех?

Цзян Хэфун, кажется, что-то осознал, и на его лице расплылась двусмысленная ухмылка:

— Хе-хе, ну ты даешь... молодой, горячий, полон сил... Видать, долго терпел?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281560>